

Ожидание Страшного Суда и хронотоп древнеанглийского христианского эпоса

Мария В. Яценко

*Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,*

Санкт-Петербург, Россия;

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, maria.yatsenko1@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются хромотопические особенности сцен ожидания Страшного Суда, включенных в произведения древнеанглийского христианского эпоса. Обращение к данной теме предполагало описание будущих событий, что было не характерно для эпического повествования, основной объект которого – идеализированное прошлое. Нарушение эпической дистанции (доступность описываемых событий оценке с внеположенной им точки зрения) было характерно и для героического эпоса англосаксов. В данной работе показано, что христианский эпос предполагал не только возможность оценки событий, но и совмещение разных временных пластов, более конкретное, чем в героическом эпосе, описание плана будущего, а также включение в повествование плана настоящего, т. е. времени рассказывания эпоса. Такого рода изменение хронотопа отличает христианский эпос от героического и допускает возможность его выделения как самостоятельного жанра, учитывая условность жанрового деления в данной поэтической традиции.

Ключевые слова: хронотоп, Страшный Суд, христианский эпос, героический эпос, жанры древнеанглийской поэзии

Для цитирования: Яценко М.В. Ожидание Страшного Суда и хронотоп древнеанглийского христианского эпоса // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2025. № 5. С. 120–130. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-120-130

Waiting for Doomsday and the Chronotope of the Old English Christian epic

Maria V. Yatsenko

*Saint Petersburg State University of Telecommunications,
Saint Petersburg, Russia;*

*St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
maria.yatsenko1@yandex.ru*

Abstract. The article examines the chronotope features of the scenes that depict waiting for Doomsday in Old English Christian epic. Addressing this theme in a poetic work involved portraying future events, which was atypical for epic narration, as its fundamental subject was depicting the idealised past. The violation of the “epic distance” by evaluating the described events from an external perspective could occur in the heroic epic of the Anglo-Saxons. This paper demonstrates that the Christian epic employs not only the ability to assess events but also combines different temporal layers and describes the future in more concrete terms than the heroic epic while incorporating the present – that is, the time of the narration – into the narrative perspective. This change in chronotope differentiates Christian epic from heroic epic, allowing for the distinction of the former as a separate genre, particularly in the light of the ambiguous boundaries between genres within Old English poetic tradition.

Keywords: chronotope, Doomsday, Christian epic, heroic epic, Old English poetic genres

For citation: Yatsenko, M.V. (2025), “Waiting for Doomsday and the Chronotope of the Old English Christian epic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 5, pp. 120–130, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-5-120-130

Абсолютная эпическая дистанция как характерная особенность эпического жанра, отделяющая мир эпоса от современности [Бахтин 1975b, с. 456], реализовывалась в эпических традициях по-разному. Рассматривая поэму «Беовульф», О.А. Смирницкая пишет, что в ней «прошлое уже не имеет присущей эпосу абсолютной завершенности и замкнутости. Оно оказывается доступным для оценки с новой, не вытекающей из него самого и определяющей лирическую тональность поэмы точки зрения и ищет себе продолжения в настоящем» [Смирницкая 1982, с. 225]. Оценка в эпосе англосаксов осуществляется с точки зрения христианских ценностей и идеалов и предполагает трансформацию эпической

дистанции. В произведениях христианского эпоса эта трансформация выявляется не только на уровне нравственной оценки, но и за счет изменения хронотопа.

Представления об историческом процессе как целенаправленном движении в будущее, ко времени Второго пришествия Христа и Страшного Суда, характерные для христианской философии истории, обусловили появление плана будущего в христианском эпосе. Эсхатологические образы возникают и в языческих мифологических системах, в том числе в германо-скандинавской мифологии. Однако их отражение в древнеисландской словесности было противоречивым. А.Я. Гуревич, рассматривая королевские саги, отмечает, что авторы саг «не ставят и, естественно, не могут сознательно поставить проблемы смысла человеческой истории» [Гуревич 2006, с. 115]. И это существенно отличает исландскую раннесредневековую словесность от англосаксонской. Последняя находилась под более сильным воздействием средневековой богословской мысли.

Описания Страшного Суда¹ встречаются в ряде прозаических сочинений англосаксов: Толкование на Апокалипсис Беды Досточтимого, «Проповедь Волка англам» (*Sermo Lupi ad Anglos*) Вульфстана Йоркского, проповеди Эльфрика, древнеанглийские переводы апокрифических сочинений «Евангелие от Никодима», «Апокалипсис Фомы» и др. Изобилуют описаниями этой темы и поэтические тексты: третья часть поэмы «Христос» (Christ III), две поэмы о Судном дне (Judgment Day I, II), поэма «О сошествии во ад» (The Descend into Hell), вторая часть поэмы «Христос и Сатана». Размышления о «частном» Суде, т. е. о времени разделения души и тела, изложены в двух поэмах «О душе и теле». Тема Страшного Суда возникает и в ряде эпических произведений («Исход», «Елена», «Юлиана» и др.), сюжеты которых напрямую с ней не связаны.

Отражение понимания времени в поэтике художественных произведений раннего Средневековья представляет значительный интерес. М.И. Стеблин-Каменский, пытаясь найти взаимосвязь между осмыслением времени в скандинавской мифологии и художественным временем в песнях «Эдды», отмечает, что «Представление об обратимости времени – это вместе с тем отсутствие четкого противопоставления прошлого и настоящего будущему, и, таким образом, это представление подразумевает внутреннюю точку зрения на время» [Стеблин-Каменский 1976, с. 56]. В приведенной выше характеристике эпоса англосаксов О.А. Смирницкой подчеркивается наличие в этой традиции иной, внеположенной

¹ Подробный сравнительный анализ представлений англосаксов о загробном мире и Страшном Суде можно найти в монографии [Kabir 2001].

событиям эпоса точки зрения. Очевидно, что именно проблема влияния христианских представлений о ходе развития истории на художественное время произведений раннесредневекового эпоса требует внимательного рассмотрения. Применительно к древнеанглийскому христианскому эпосу такое рассмотрение еще не предпринималось. Поэтому в качестве объекта анализа выбраны те произведения древнеанглийской поэзии, где пророчества о Судном Дне включаются в эпические повествования и происходит объединение разных временных пластов. Анализ проводится с целью проследить изменения хронотопа эпического текста.

Включение темы Страшного Суда в эпический нарратив предполагает использование специфических композиционных приемов в ряде произведений. В поэме «Христос и Сатана» нарушается хронологическая последовательность Евангельских событий, они дополняются апокрифическим сюжетом о Схождении Христа в ад, поэт последовательно использует прием изменения точки зрения.

В первой части поэмы содержится ряд монологов Сатаны, находящегося в аду, и его дружины. Участь этих героев предопределена грехопадением, а речи наполнены сожалением о прошлом времени блаженства у престола Небесного Царя. Настоящее Сатаны и его дружины также осмыслено вполне конкретно – это бездонное адское пламя, мучения, от которых негде скрыться. Рассказ от лица Сатаны и находящихся с ним в аду перемежается обращениями повествователя к своей аудитории (Ch&S 194–224, 283–315²) с наставлениями о том, как должен жить каждый воин (*hæleda æghwylc*), чтобы не попасть в ад.

Вторая часть поэмы повествует о мучениях грешников в аду и Сошествии туда Христа после Воскресения, разрушении адских стен и спасении для праведников. Далее описывается сам Судный День (Ch&S 598–643), когда протрубит труба по всей земле, явится Господь и умершие восстанут из земли (*Ponne of pisse moldan / men onwecnað; // deade of duste arisað / þurh Drihtnes miht*; Ch&S 604–605 – «Тогда из той земли / люди восстанут // мертвые из праха подымутся / по воле Господней»), а затем будут отделены грешники от праведников. При этом рассказчик рисует картины рая, к которому должны стремиться все смертные: это «более прекрасная земля» – *fæg[e]fre land* (Ch&S 213), «светлая и полная великолепными плодами, которые сияют в городах» – *welitig and wynsum; / wæstmas scinað // beorhte ofer burgum* (Ch&S 214–215).

² Текст древнеанглийских поэм цит. по: (Christ and Satan 1925; Exodus 1953; Elene 1891) с указанием номера строки и сокращения Ch&S, Ex, Ele соответственно. Перевод автора статьи, если не указано иного.

Упоминания о городе, городах (ср. далее Ch&S 295, 363, 459, 613, 687), безусловно, рождают ассоциации с Небесным Иерусалимом, описанным в Откровении Иоанна Богослова как место пребывания праведников после Страшного Суда. Вместе с рассказом о прекрасных золотых стенах Небесного Града (Ch&S 649–655) появляется и наставление о том, как должно жить человеку, чтобы заслужить небесное блаженство. В заключительной части поэмы точка зрения рассказчика вновь перемещается: он излагает историю искушения Христа в пустыне.

Таким образом, композиция поэмы «Христос и Сатана» построена с использованием обратной перспективы. Сцена Страшного Суда становится центральной в структуре поэмы. Ей предшествуют описания адских мучений, представленные в сопоставлении с райским блаженством, т. е. фактически рассказ о существовании после Суда, когда изменение участи уже невозможно. Следует за описанием Суда повествование об искушении в пустыне Христа, где не только подчеркивается Его всемогущество, но и предлагается пример противостояния злу и искушениям, т. е. путь подготовки к Страшному Суду.

Ориентация на Страшный Суд ясно прослеживается в композиции и других поэтических текстов. Так, сюжет библейской Книги Исход напрямую не связан с событиями конца света, однако в первых же строках одноименной древнеанглийской поэмы появляются мысли именно о посмертном воздаянии, о том, что каждого человека ждет *æfter bealusiðe / bote lifes* (Ex 5) («после смертного пути / о воздаянии за жизнь»). Далее повествование переходит к описанию судьбы Моисея, исхода из Египта и перехода через Красное море, но завершается поэма сценой ожидания Страшного Суда и размышлениями об участи человека после смерти.

Размышления о судьбах человечества, своеобразные лирические эпилоги, становятся характерной чертой поэмы, приписываемых Кюневульффу («Елена», «Юлиана», «Судьбы апостолов»). Заключительные строки этих поэмы содержат не только «подпись» этого поэта, вплетенную в основной текст при помощи рунических знаков, но и раздумья повествователя о своей судьбе и судьбах мира. Наиболее развернутый эпилог представлен в поэме «Елена», где возникает размышление рассказчика о собственной старости (Ele 1236–1245), благодарность Богу за свершенное дело (Ele 1246–1256), воспоминания о быстро проходящем времени силы и молодости (Ele 1256–1275), а также описание предстоящего Суда и участи разных людей (Ele 1276–1320). В эпилоге «Елены», по словам Н.Ю. Гвоздецкой, «Англосаксонский поэт приглашает читателя выйти за пределы циклического времени героико-эпиче-

ской идиллии с ее сменой пиров и битв и обрести себя в ином времени, связанном с индивидуальной ответственностью за прожитую жизнь» [Гвоздецкая 2017, с. 109].

Другой лирический монолог включен в поэму «Юлиана» и содержит прямое обращение к аудитории, просьбу ко всякому человеку молиться за автора поэмы. Здесь также появляются указания на время Страшного Суда, при этом дважды использована лексема *tid*, которая в древнеанглийской традиции означала время, определенное для совершения действия [Чупрына 2000, с. 130]. Суд в «Юлиане» представлен как единение лиц Св. Троицы, описание и восхваление которых рассказчик считает целью своего повествования. Грешники при этом не упомянуты. «Великий день» Суда описан как «Предвечный совет», в котором пребывают ипостаси Пресвятой Троицы. Само повествование устремлено в будущее, предпринята попытка описать вечность бытия Бога.

Описание Страшного Суда языком эпической традиции предполагало использование не глагольных способов выражения темпоральности, поскольку в древнеанглийском языке значение будущего времени не было закреплено за определенной формой глагола. В поэме «Христос III» содержится наиболее последовательное и развернутое описание Страшного Суда, картины которого во многом повторяют Откровение Иоанна Богослова. Влиянием этой книги можно объяснить использование глаголов в прошедшем времени для описания предстоящего события.

В эпилогах поэм, приписываемых Кюневульф, происходит разрыв эпической дистанции за счет появления образа рассказчика. Особенно наглядно это заметно в поэме «Елена», где поэт описывает себя как конкретное лицо, которое мыслит себя в конкретной обстановке [Гвоздецкая 2017, с. 102]. Это не абстрактный рассказчик героического эпоса. Его взгляд направлен не только на героев рассказа, но и о свою судьбу и посмертную участь: *Wen is geswiðrad, // gomen, æfter gearum, / geogod is gecyrrad, // ald onmedla. / Ur wæs geara // geagodhades glæm. / Nu synt geardagas // æfter fyrstmearce / forð gewitene, // lyfwynne geliden, / swa Lago togliðed, // flodas gefysde* (Ele 1264–1270) – «Дряхлеет радость, // гаснет с годами / блеск былой, // тает богатство, / со временем вянет // юности цвет, / вдаль уплывают // в час назначенный / дни нашей жизни, // словно воды скользят, / непогодой гонимые // быстрые волны»³. Эти размышления обретают непреходящий характер, они

³ Кюневульф. Поэма «Елена». Фрагмент: главы 11–15 / пер. с древнеангл. и коммент. Н.Ю. Гвоздецкой, Е.Н. Клёминой // *Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2015. № 7. С. 161.

отнесены как к вечности, так и к настоящему. При этом чередуются основы супплетивного глагола «быть» (is: Ele 1264, 1265, synt 1267; wæs: Ele 1243, 1257, 1266; bið: Ele 1270, 1294, 1298, 1306, 1310, 1312, 1316; beoð: Ele 1295, 1304, 1308). В заключительной части рассказа преобладают формы от основы beop, рассматриваемые исследователями как способ обозначения вечной истины (так как они часто используются в гномических формулах), либо как уникальные для данного глагола формы будущего времени⁴. Таким образом, описывая Страшный Суд, поэт говорит о прошлом, настоящем, вечном, но и о том, что должно случиться.

Обращение к плану будущего предполагает разрыв эпической дистанции. В рассматриваемых эпизодах ожидания Страшного Суда в древнеанглийской поэзии, помимо планов прошедшего и будущего, последовательно используется еще и план настоящего, т. е. времени рассказывания. Включение этого временного пласта происходит за счет местоимений первого лица, а также наречия *nu* – «сейчас, теперь». Оно начинается «Гимн Кэдмона» и как бы всю древнеанглийскую христианскую поэзию, указывая на актуальное настоящее, время, когда англосаксы обрели возможность славить Бога своим родным поэтическим языком. *Nu*, таким образом, соотносит повествование со временем рассказывания эпоса и временем христианской проповеди.

Пространственные координаты Страшного Суда по-разному осмыслены в древнеанглийских поэмах. Так, в эпилоге поэмы «Елена» подробно описываются три места, где будут пребывать люди после смерти. Их положение соотносено с адским пламенем: праведники находятся от него выше всех других (Ele 1289–1290), грешники окажутся в середине пламени, третий же удел предполагает мучение проклятых на самом дне пламени. Всё место, куда придет Господь на Суд, названо *mordorhrofe* (Ele 1303), т. е. «место мучений / страданий / смерти».

Не только место мучений, но и место ожидания Суда описаны в финале поэмы «Исход»: *Pis is læne dream, // wotmum æwyrgeð, // wreccum alyfed, // earmra anbið. / Eðellease // þysne gystsele / gihðum healdad, // turnað on mode, / manhus witon // fæst under foldan, / þær bið fyr and wurm* (Ex 574–579) – «Это – тщетная мечта, // грехами загубленная, / странникам дарованная, // несчастных упование. / Одаля лишенные // в том пиршественном зале / грустью овладеют, // опечалются в душе, / о доме зла узнают, // крепком под землей, / где будет огонь и червь». Наименования людей изгнанниками,

⁴ Mitchell B., Robinson F.C. A guide to Old English. Oxford: Blackwell, 1992. 376 p.

использовавшиеся в тексте поэмы по отношению к израильтянам, обозначают в ее финале уже всех людей. Это описание также соотносится с планом прошлого (время рассказа) и планом актуального настоящего (время рассказывания эпоса) за счет употребления местоимения *we* «мы» и наречия *ni* в предшествующих строках (Ex 571–574). Смыкание двух времен – времени рассказа и времени рассказывания – позволяет автору поэмы передать христианское представление о бренности человеческого существования, о том, что перед Богом всякий человек предстает один и сам отвечает за свои грехи.

В поэме «Исход» появляются конкретные пространственные координаты, связанные со Страшным Судом. Это дом, находящийся под землей, *manhus* – «дом мерзостей, преступлений, зла». Далее упоминаются огонь, змии / черви и бездна – основные атрибуты ада. Еще один локус в данном отрывке: *medelstede* – досл. «место встречи / собрания». Выше в «Исходе» эта же лексема обозначала место жертвоприношения Авраама. В финальном эпизоде поэмы именно на этом «месте собрания» должен произойти Суд, т. е. определение Богом судьбы умерших. Причем древнеанглийский поэт описывает только благоприятный исход Суда, не упоминая грешников, что может соотноситься с сюжетом поэмы, где воплощением грехов и грешников являются египтяне, погибшие в Красном море.

Наибольший интерес и сложность для истолкования представляет упоминание в этом фрагменте пиршественного зала, который обозначен лексемой *gystsele*. Она употреблена в «Исходе» единственный раз. В поэме «Беовульф» она же встречается для описания Хеорота, причем в контексте, где он рассматривается с философской точки зрения как часть брэнного мира, которому суждено погибнуть, и сравнивается с человеческим телом (Beo 991–1008). Временная соотнесенность всего фрагмента специфична: его можно понимать и как описание конца света и прихода антихриста, т. е. будущих событий. Контекст употребления лексемы *gestsele* в «Беовульфе» позволяет говорить о ее негативных коннотациях. Она описывает Хеорот, украшенный для праздника, но и обреченный на гибель. А конечность, брэнность земного существования человека мыслится как путь от пиршественного зала до могилы. Посмертная жизнь человека описана в «Беовульфе» лишь как вечная слава в памяти потомков.

Среди причин изменения хронотопа в христианском эпосе можно назвать не только особенность самой темы Страшного Суда (связь ее с планом будущего и адресация каждому отдельному человеку), но и влияние на эпическую традицию жанра христианской проповеди. В «Проповеди Волка англам» (*Sermo Lupi ad Anglos*)

Вульфстана Йоркского события современности смыкаются с событиями Апокалипсиса, конца света и Страшного Суда. Этот текст и ряд проповедей Эльфрика, затрагивающих данную тему, предполагали прямое обращение к аудитории, предостережения, наставления и нравоучения. Для традиции прозаических проповедей более типично, чем для эпоса, совмещение разных временных пластов: времени основного повествования, т. е. библейского сюжета, и времени автора проповеди и его аудитории. Возможность влияния жанра прозаической проповеди на поэтические сочинения можно объяснить спецификой системы жанров средневековой словесности, для которой была характерна подвижность и зависимость от функции текста.

Жанровое деление в поэтической традиции англосаксов сравнивается с цветовым спектром, так как почти каждый ее текст можно отнести к двум или более жанрам одновременно [Смирницкая 1982, с. 183–185]. Однако части этого спектра остаются не до конца осмысленными. Проведенный в данной работе анализ основывается на утверждении М.М. Бахтина о ведущем жанровом значении хронотопа [Бахтин 1975а, с. 235]. Мы предлагаем рассматривать размыкание эпической дистанции в произведениях, содержащих повествования о Страшном Суде, как характерное свойство жанра христианского эпоса. Последний, таким образом, может быть выделен из эпической традиции не только за счет определенной тематики, но и специфики хронотопа, в котором прошлое соотносится с планом будущего и вечности, а также настоящего (времени рассказывания эпоса).

Источники

- Christ and Satan 1925 – Christ and Satan. An Old English poem / ed. with introd., notes and glossary by M.D. Clubb. Connecticut: Yale University Press, 1925. 196 p.
- Elene 1891 – Elene: an Old English poem by Cynewulf / ed. with introd., Latin original, notes and complete glossary by Ch.W. Kent. Boston, L.: Ginn & Company, 1891. 149 p.
- Exodus 1953 – Exodus. The Old English Exodus / ed. with introd., notes and glossary by E.B.Jr. Irving. New Haven: Yale University Press, 1953. 134 p.

Литература

- Бахтин 1975а – Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе (Очерки по исторической поэтике)* // Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.

- Бахтин 1975b – *Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 447–483.
- Гвоздецкая 2017 – *Гвоздецкая Н.Ю.* Лирический эпилог к древнеанглийской поэме «Елена»: проблема жанра // Лирическая эволюция: к 70-летию Дарвина (Михаила Николаевича) / сост. и ред. В.Я. Малкина, В.И. Тюпа М.: Эдитус, 2017. С. 98–109.
- Гуревич 2006 – *Гуревич А.Я.* Язычество христиан и христианство язычников // Гуревич А.Я. Избранные труды: Крестьянство средневековой Норвегии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. С. 109–115.
- Смирницкая 1982 – *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия / изд. подгот. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
- Стеблин-Каменский 1976 – *Стеблин-Каменский М.И.* Миф. Л.: Наука, 1976. 104 с.
- Чупрына 2000 – *Чупрына О.Г.* Представления о времени в древнем языке и сознании (на материале древнеанглийского языка). М.: Прометей, 2000. 151 с.
- Kabir 2001 – *Kabir A.J.* Paradise, death and Doomsday in Anglo-Saxon literature. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. 210 p.

References

- Bakhtin, M.M. (1975), “Forms of time and chronotope in the novel (Sketches on historical poetics)”, in Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*, [Issues of literature and esthetics: research of various years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 234–407.
- Bakhtin, M.M. (1975), “Towards a methodology for the study of the novel”, in Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let*, [Issues of literature and esthetics: research of various years], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, USSR, pp. 447–483.
- Chupryna, O.G. (2000), *Predstavleniya o vremeni v drevnem yazyke i soznanii (na materiale drevneangliiskogo yazyka)* [Time perception in old language and mindset (on Old English)], Prometei, Moscow, Russia.
- Gurevich, A.Ya. (2006), “Paganism of Christians and Christianity of Pagans”, in Gurevich, A.Ya., *Izbrannye trudy: Krest'yanstvo srednevekovoi Norvegii*, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 109–115.
- Gvozdet'skaya, N.Yu. (2017), “Lyrical epilogue to the Old English poem ‘Elene’: genre problem”, in Malkina, V.Ya. and Tyupa, V.I., eds., *Liricheskaya evolyutsiya: k 70-letiyu Darvina (Mikhaila Nikolayevicha)* [Lyrical evolution: to the 70-th anniversary of Darwin (Mikhail Nikolaevich)], Editus, Moscow, Russia, pp. 98–109.
- Kabir, A.J. (2001), *Paradise, death and Doomsday in Anglo-Saxon literature*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Smirnitskaya, O.A. (1982), "The poetic art of Anglo-Saxons", in Smirnitskaya, O.A. and Tikhomirov, V.G., comps., *Drevneangliiskaya poeziya*, Nauka, Moscow, USSR, pp. 171–232.

Steblyn-Kamenskii, M.I. (1976), *Mif* [Myth], Nauka, Leningrad, USSR.

Информация об авторе

Мария В. Яценко, доктор филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия; 193232, Россия, Санкт-Петербург, пр-кт Большевиков, д. 22, корп. 1;

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; maria.yatsenko1@yandex.ru

Information about the author

Maria V. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia; bldg. 1, bld. 22, Bolshevikov Av., Saint Petersburg, Russia, 193232;

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7/9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; maria.yatsenko1@yandex.ru